

СОВЕТСКИЙ ФАКТОР В УРЕГУЛИРОВАНИИ АЛБАНО-ГРЕЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В СЕВЕРНОМ ЭПИРЕ (1945—1949)

В статье рассмотрено завершение территориального спора в Северном Эпире. В развитии конфликта выделяются два периода. Во второй половине 1945 — первой половине 1947 г. проблема Северного Эпира обсуждалась в формате послевоенного международно-правового урегулирования. В результате албано-греческая довоенная граница осталась неизменной. Во второй половине 1947 — конце 1949 г. проблема Северного Эпира получила своеобразное проявление в рамках двух политических процессов на Балканах — интриги Белграда с присоединением Албании в качестве седьмого субъекта югославской федерации, а также гражданской войны в Греции, локализовавшейся в сопредельном районе Южного Эпира. Эти процессы вызвали острые разногласия между советскими, югославскими, албанскими и греческими коммунистами. Однако попытка внутрикommунистического решения проблемы Северного Эпира не изменила параметров ее международно-правового урегулирования.

In the article the completion of the territorial dispute in the Northern Epirus. In the development of the conflict is allocated two periods. In the second half of the 1945 — of the first half of the 1947 the problem of the Northern of Epirus was discussed in the format of post-war an internationally-of legal settlement. As a result, the Albanian-Greek border before the war remained unchanged. In the second half of 1947 — the end of 1949, the problem of Northern Epirus had a peculiar expression in the two political processes in the Balkans — Belgrade intrigue with the accession of Albania as a seventh subject of the Yugoslav federation, as well as the civil war in Greece, which is localized in the adjacent area the Southern Epirus. These processes are have caused sharp disagreements between the by Soviet, by Yugoslav, by Albanian and by Greek the Communists. However, an attempt to solve the problem vnutrikommunisticheskogo Northern Epirus did not change the parameters of international law and settlement.

Ключевые слова: Северный Эпир (Южная Албания), албано-греческие противоречия, советско-югославский конфликт, гражданская война в Греции.

Keywords: Northern Epirus (Southern Albania), the Albanian-Greek conflict, the Soviet-Yugoslav conflict, the civil war in Greece.

Албано-греческий национально-территориальный конфликт в Северном Эпире (Южной Албании), развивавшийся с середины XIX в., отразил разновременный характер этногосударственных процессов в Греции и Албании. Важным рубежом стало Версальское урегулирова-

Салькоў Анато́лій Пятро́віч — загадчык кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх сла-
ван Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

ние, завершившееся в регионе только к 1921 г. [24]. Советское руководство проявляло в 1920-х гг. большой интерес к Албании, что вылилось в декабре 1924 г. в настоящую интригу вокруг их дипломатических отношений. Италия, победившая в борьбе за влияние в Албании, в апреле 1939 г. поглотила ее в форме «личной унии». После нападения Германии на Грецию и Югославию в апреле 1941 г. капитулировавшая Греция была поделена на оккупационные зоны. Под властью итальянского наместника в Албании был закреплен Северный Эпир, а также оказались Чамерия (часть Южного Эпира), большая часть Косово и Метохии, Западная Македония, части Черногории [25]. Идея «Великой Албании» первоначально реализовывалась под эгидой Италии. Однако германские оккупационные власти, сменившие летом 1943 г. итальянские, объявили курс на восстановление албанской независимости, «личная уния» была отменена. Это обострило эпирский конфликт, который стал выраженным фактором антифашистского движения и в Албании, и в Греции. Однако в ходе всей войны лидеры антифашистской коалиции не определили свое отношение к «албанскому вопросу». Если Лондон допускал изменение албано-греческой границы в пользу Афин, то Вашингтон этому противился. Позиция СССР трансформировалась от представлений о неизменности этой границы (конец 1941 г.) до гипотетической возможности даже ликвидации или раздела Албании (вторая половина 1943 г.), и наконец — все более терпимым определялось отношение к возможности изменения границы в пользу Тираны (первая половина 1945 г.) [26].

С разгромом Германии, наметившимся противостоянием в среде бывших союзников и укреплением влияния Запада в Греции, СССР поменял свою позицию по отношению к этой стране. Это сказалось и на взгляде Москвы на эпирскую проблему. На I сессии Совета министров иностранных дел великих держав (СМИД), проходившей в Лондоне 11 сентября — 2 октября 1945 г., советской делегацией был подготовлен проект Меморандума о положении в Греции. В нем указывалось на несоблюдение Варкизского соглашения от 12 февраля 1945 г., притеснения греческих македонцев, многочисленные нарушения албанской границы, прямые угрозы в адрес Албании даже в официальных заявлениях Афин. Тем не менее окончательный текст документа, врученный Молотовым 12 сентября участникам сессии, был смягчен и не содержал резких обвинений [3, л. 7, 10]. Интересно, что днем раньше Молотов получил ноту Зогу I, который заботился о главном для Албании — признании высказанного союзниками еще в 1942 г. принципа ее

независимости после войны. Касательно же претензий Греции на Северный Эпир, он сообщал, что аналогичные претензии в 1913, 1921 и 1925 гг. предъявлялись международным комиссиям, но были отклонены как несправедливые. Кроме того, бывший король просил советского наркома способствовать распространению на его страну принципов Объединенных Наций, чтобы решения в отношении Албании не принимались в очередной раз без нее самой [3, л. 17—19].

Однако вскоре на сессии СМВД разразился кризис, парализовавший, а затем и сорвавший ее работу. С одной стороны, он объяснялся отказом Запада признать правительства Болгарии и Румынии и неудачными советскими попытками отказать в ответ в признании правительству Греции. С другой — процедурным кризисом при выработке проектов мирных договоров с сателлитами Германии (были фактически нарушены решения Потсдамской конференции). Уже 22 сентября обсуждение договоров прекратилось, обмен посланиями между И. В. Сталиным, Г. Трумэн и К. Эттли не разблокировал ситуацию, стороны заняли бескомпромиссные позиции. Провал сессии, который, по словам Сталина, «означал бы прежде всего провал Бирнса», состоялся и определил позиции бывших союзников в последующем мирном урегулировании [1, с. 74—81].

Тем не менее проблема Северного Эпира успела обрести свой реальный масштаб и требовала глубокой проработки. Советская военная миссия в Тиране подготовила «Краткую справку о политическом и экономическом положении Албании» (датирована 27 октября 1945 г.), в которой отражалась специфика страны [2, л. 96]. Указывалось, что население разделено на религиозные общины, являющиеся своеобразными политическими партиями. Мусульмане и бекташи, составляющие большинство (68 %), живут в центральных районах. Пребывали под влиянием Турции, сейчас — Англии. Заняты в сельском хозяйстве и скотоводстве, находясь на стадии феодальных отношений. Уровень грамотности — 20—25 %. Во время войны в политическом отношении эта категория населения была расколота на две части: одни поддерживали оккупантов, другие — национально-освободительное движение. Православные (21 %) проживают в Южной Албании (их тут до половины населения), испытывая сильное влияние Греции. Занимаются крупной торговлей, ремеслом, сезонной миграцией в соседние страны и ведут капиталистическое хозяйство. Грамотность — 90 %. Выступили организаторами национально-освободительного движения, центрами которого были Корча и Гирокастра. Католики (11 %) живут в северных районах,

являясь опорой итальянского влияния. За 70 лет иезуиты обратили в католичество около 120 тыс. албанцев, «превратив их в слепых сторонников реакции». Занимаются скотоводством, находясь на стадии патриархальных отношений. Отличаются высоким уровнем неграмотности. Поддерживали итало-германских оккупантов, враждебно относятся к новой власти [2, л. 105—107, 110—111]. Столь качественная аналитическая разработка способствовала выработке адекватного политического курса Москвы в отношении далекой балканской страны.

Во время Совещания заместителей министров иностранных дел (Лондон, февраль — апрель 1946 г.), на котором шла разработка проектов мирных договоров с сателлитами фашистской Германии, неожиданно возникла и «эпирская проблема». Греция поставила в марте 1946 г. вопрос о разработке мирного договора с Албанией (!), в котором просила учесть претензии Афин на Северный Эпир [5, л. 234]. По настоянию советского представителя Ф. Т. Гусева было принято, что у совещания нет полномочий на обсуждение обоих вопросов. В ходе этой дискуссии ее участники высказали следующие важные положения, повлиявшие на дальнейшее решение проблем послевоенного устройства: территориальные вопросы могут возникать не только с враждебными, но и между союзными странами (английский делегат Худ); в Европе есть ряд территориальных вопросов, которые не связаны с мирными договорами, но могут рассматриваться СМВД (руководитель отдела Госдепартамента США Дж. Данн) [5, л. 238—242]. Реакция Тираны на греческую инициативу была весьма нервной. В правительственной Декларации было заявлено, что «албанский народ не позволит передвинуть пограничный столб хотя бы на один шаг» [23, л. 69]. Албанские руководители выступили с громкими заявлениями. Э. Ходжа утверждал: «Наша Южная Албания принадлежит только нам и никому другому. Это совершенно определено». Ему вторил оргсекретарь ЦК КПА, министр внутренних дел Кочи Дзодзе: афинским монархо-фашистам нужно уяснить, что «в наших границах нет ни одного клочка греческой земли» [15, л. 51—52, 65].

Обе части Эпира — и албанская, и греческая, были ареной политической борьбы, накладывавшейся на национально-территориальный конфликт. Так, албанская газета «Бакшими» писала в марте 1946 г., что в Северном Эпире концентрируются банды хитосов (членов греческой монархической организации «Х»), которые преследуют греческое население, сочувствующее ЭАМ. В то же время в Южном Эпире обосновались бежавшие из Албании коллаборанты. Это вызывало многочислен-

ные пограничные стычки и провокации, о чем имеется масса сообщений в вестнике иностранной информации ТАСС [23, л. 37, 41—44, 94, 102—103, 110—111, 152—153, 202, 276]. Газета «Лайко Вима», издававшаяся в Гирокастре на греческом языке, сообщала в мае, что в префектуре Корча движение протеста против политики Афин возглавило православное духовенство. Глава Албанской независимой православной церкви Кристофор выступил со специальным посланием. Газета «Бакшими» возмущалась тем, что всех православных албанцев Греция квалифицирует как греков [23, л. 68—69, 73—74].

В территориальный конфликт оказались вовлеченными и компартии двух стран. 6 апреля 1946 г. в Тирану прибыл генеральный секретарь ЦК КП Греции (КПГ) Никос Захариадис, придерживавшийся в ходе трехчасовой беседы с Кочи Дзодзе принципа самоопределения Северного Эпира. Он считал, что если КП Греции открыто заявит об отказе от края, то она от этого только проиграет, а КП Албании ничего не выиграет. Сведения об этих переговорах содержатся в докладной записке референта Отдела международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б) П. И. Манчи о его поездке в Албанию [21, л. 76]. Первый албанский посланник в СССР Кочо Ташко на встрече с Молотовым 20 апреля главную причину внешнеполитических трудностей усматривал в том, что под влиянием англичан греки продолжали провокации на границах, а сама Англия имела заинтересованность в Отрантском проливе, порте Влёры и о. Сазани [12, док. 145, с. 423].

Тем временем в Греции правительство сформировал правомонархический политик Константинос Цалдарис, который был премьер-министром в апреле 1946 — январе 1947 г. и до конца 1940-х гг. — министром иностранных дел. Это привело к активизации внешнеполитической активности страны и усилило нажим на Албанию по проблеме Северного Эпира и греческого меньшинства в крае [36, с. 196—197].

Накануне II сессии СМВД (Париж, 25 апреля — 12 августа 1946 г. Греция попыталась письмом от 11 апреля внести на рассмотрение вопрос о греко-албанской границе и свои претензии на Северный Эпир [6, л. 135]. Глава Форин офис Э. Бевин 15 мая лоббировал такое решение. Он дважды настаивал на рассмотрении проблемы на сессии. Однако Молотов дважды активно противился этому: «Мы не можем взять на себя задачу рассматривать неразрешенные территориальные вопросы, их, вероятно, будет немало». Молотов указал, что в согласованной повестке дня нет этого вопроса, а «аппетиты некоторых греческих кругов неограниченны». Предвидя свои приоритетные позиции в борьбе за Гре-

цию, Бевин в ответ рассмеялся, что зафиксировано в стенограмме 18-го заседания сессии от 15 мая [4, л. 303—304]. В свою очередь Э. Ходжа распространил 13 июня обращение к сессии в поддержку греческих чамов, проживавших от мыса Стило до залива Превеза в провинции Чамерия (Трамурия). При этом Тирана считала, что в Албании «не существует Северного Эпира», и единственным основанием греческих притязаний являются два несостоятельных секретных договора — Лондонский 1915 г. и «Титтони — Венизелос» 1919 г. [15, л. 89, 145].

К весне 1946 г. вполне оформилась и получила развитие интрига Белграда с присоединением Албании к Югославии в качестве седьмого субъекта, что было одним из вариантов Балканской федерации в составе Югославии, Болгарии и Албании. Это автоматически делало бы албано-греческий конфликт непосредственной югославской проблемой. Она была затронута в ходе визита И. Броз Тито в Москву в конце мая 1946 г. Как следует из советской записи беседы, Сталин поинтересовался у Тито: согласен ли Ходжа «включить Албанию в состав Федеративной Югославии». Однако, получив положительный ответ, посоветовал вначале обсудить договор о дружбе и взаимопомощи, «найти формулу этого договора и поближе подвести Албанию к Югославии», так как считал затруднительным одновременное решение вопроса о включении Албании и проблемы Триеста. Примечательно, что в югославской записи этот сюжет вообще не нашел отражения [19, с. 23].

Острота проблемы Северного Эпира обусловила подготовку в ОМИ ЦК ВКП(б) записки «Нынешнее международное положение Албании. Вопрос разграничения Албании и Греции» от 20 июня 1946 г. В ней давался обзор проблемы, а также указывалось, что греческая аргументация в пользу присоединения Северного Эпира выводится из исторических, этнографических, географических и стратегических соображений, которые голословно отвергаются албанской стороной [21, л. 47—50]. И. Броз Тито, принимая в июне делегацию Албании, обращал особое внимание Ходжи на необходимость усиления обороны двух стратегических районов. Это были Влёра, о. Сасено и п-ов Карабуруни с проливом Отранто, а также Саранда с проливом Керкира, которые фактически господствовали над входом в Адриатическое море и выходом из него [12, док. 159, с. 473]. Важным обстоятельством являлась политическая стабильность в Южной Албании. Кочи Дзодзе на встрече с советским посланником в Тиране Д. С. Чувахиным 12 июня особо подчеркнул, что, в отличие от северного региона, в префектурах Корча и Гирокастра «нет ни одного вооруженного бандита» [31, док. 101, с. 305].

Парижская мирная конференция (ПМК, 29 июля — 15 октября 1946 г.) проходила в условиях уже вполне оформившегося размежевания между СССР и США по вопросам мирного урегулирования на Балканах и стратегического соперничества в Восточном Средиземноморье. Американская линия балканской политики с опорой на Грецию была изложена в Меморандуме объединенного комитета начальников штабов от 25 сентября 1946 г. (направлен госсекретарю Д. Бирнсу, представлявшему США на конференции, и содержал все пункты, позже вошедшие в «доктрину Трумэна»). Линия советской дипломатии в регионе состояла в поддержке тех стран, которые тяготели к формировавшемуся «советскому блоку», независимо от того, на чьей стороне они выступали в войне [29, с. 6—7]. Она была изложена в масштабной разработке советского посла в США Н. В. Новикова для выступлений о внешней политике США, направленной 27 сентября Молотову. В ней говорилось о столкновении советских и американских интересов в этом регионе и возникновении «новой угрозы для безопасности южных районов Советского Союза» [33, док. 138, с. 317]. Хотя в Москве и признавали вхождение Греции в «зону особой ответственности» США и Англии, но пользовались каждым случаем для закрепления на «чужой» территории. Такой же тактики придерживался и Запад.

Албанский вопрос в полной мере отражал эти глобальные противоречия. В Париже он рассматривался в двух аспектах — процедура приглашения Албании на ПМК и греческие претензии на Северный Эпир. Югославия предложила пригласить Албанию с правом совещательного голоса при обсуждении мирного договора с Италией, а югославский представитель М. Пьяде подробно обосновал этот шаг [7, л. 213, 255—259]. Против резко возражал греческий представитель К. Цалдарис, доказывая, что Албания находилась в состоянии войны с союзной державой Грецией [7, л. 288]. (В Албании 3 июля 1940 г. был принят закон о состоянии войны с теми странами, с которыми воюет Италия. На этом основании режим Ш. Верляци объявил войну Греции. В Греции же закон о состоянии войны с Албанией принимается 10 ноября 1940 г., причем формально это состояние было отменено только в 1987 г.). Пьяде обличил Цалдариса в том, что он предлагал ему разделить Албанию. Греческий премьер назвал это «совершенной неправдой» [7, л. 310—311]. Данная позиция Греции была развита в специальном письме председателю ПМК [7, л. 371].

Дискуссия о приглашении Албании затянулась на две недели и приобрела крайне острый характер. Вслед за югославским проектом свой

смягченный проект внесла Чехословакия. Представитель США сделал к нему поправку, позволяющую пригласить, кроме Албании, еще Мексику, Кубу и Египет. Английская дополнительная поправка определяла «точный порядок заслушания» этих государств [7, л. 319—321]. Цалдарис настаивал на унижительной для Албании процедуре выступления — изложить позицию и удалиться, не оставаясь в зале во время общей дискуссии. Однако Секретариат ПМК утвердил правила, по которым четыре приглашенные страны могут остаться в зале, не принимая участия в дальнейшем обсуждении. Только после этого Греция сняла свои возражения [8, л. 218—220]. Таким образом, из-за позиции Афин Албания не смогла принять полноправное участие в конференции, хотя ранее западные союзники неоднократно признавали, что она являлась одной из первых жертв итало-фашистской агрессии.

Еще более жаркая схватка разгорелась по проблеме Северного Эпира. Еще в первые дни работы ПМК Цалдарис начал просить «обеспечения в будущем территориальной безопасности Греции» путем присоединения к ней этого края, развернув подробную аргументацию. Она сводилась к тому, что край являлся «колыбелью эллинизма», имеет преобладающее греческое население, сами албанцы признавали ранее его принадлежность Греции (в договоре 1907 г. Исмаила Кемали с греческим премьер-министром Теотикисом) [7, л. 172, 176].

Албанская делегация, используя предоставленное ей на ПМК право совещательного голоса, изложила все вопросы, касающиеся ее интересов. Особый упор был сделан на национально-территориальную проблему. Премьер-министр Албании, генсек КПА Э. Ходжа в выступлении 21 августа 1946 г. подробно охарактеризовал положение в Южной Албании. Он уверял, что греческое меньшинство (35 тыс. чел.) пользуется здесь всеми правами — имеет 79 школ и один лицей, свою газету, представителей в органах власти и армии [8, л. 278]. Вместе с тем было известно, что албанское меньшинство в Греции — чамы, жили в обстановке террора. Из 60 тыс. албанцев, имевшихся в Греции после 1913 г., 35 тыс. уже к 1923 г. были насильственно выселены в Турцию в обмен на малоазийских греков. В июне 1944 и марте 1945 г. банды Наполеона Зерваса, который вел борьбу в горах Эпира, находясь в подчинении Генштаба союзников на Ближнем Востоке, устраивали гонения на оставшихся албанцев, что привело к истреблению 5 тыс. и бегству 20 тыс. чамов на албанскую сторону [15, л. 162]. Ходжа заявил, что сейчас Греция решила отторгнуть от Албании ее провинции Корчу и Гирокастру, являвшиеся центрами албанского национально-освободительного движения, как

в османские времена, так и в годы Второй мировой войны. Поэтому он заострил вопрос о территориальной целостности своей страны: «В наших настоящих границах не имеется ни одной пяди чужой территории, и мы никогда не позволим дотронуться до наших границ, потому что для нас наши границы являются священными» [8, л. 279—280].

Тут же прозвучала отповедь Греции. Цалдарис вновь подробно изложил взгляд на Албанию, как враждебное в годы войны государство. В числе аргументов были следующие: один из 14 албанских батальонов, принимавших участие в итальянской агрессии в октябре 1940 г., был первой частью, перешедшей греческую границу; свыше 3,5 тыс. албанских добровольцев прикрывали фланги армии вторжения, причем наплыв ополченцев был так велик, что даже пришлось прекратить вербовку; Албания приняла участие в оккупации Греции, а именно двух ее провинций Теспротия и Трамурия (т. е. Южного Эпира); албанские части участвовали в параде победы держав «оси» в Афинах; Албания получила с Греции денежную контрибуцию [8, л. 323—324]. Говоря о межнациональных противоречиях, Цалдарис использовал данные Ходжи о 35-тысячном «греческом миноритете» в Южной Албании, сравнив их с турецкой статистикой населения края, которая была представлена еще на Парижскую мирную конференцию 1919 г. По этой статистике в крае проживало 120 тыс. греков, имевших 360 школ, из чего вытекало, что Ходжа невольно признал факт и результаты гонений на греков [8, л. 327]. Мусульмане Трамурии (алб. Чамурия), т. е. чамы, стали источником ирредентизма в крае с населением в 90 тыс. чел., где самих чамов было лишь 18 тыс. Накануне итальянской агрессии они создали вооруженное подполье, затем все мужское население чамов перешло на сторону агрессора, творя геноцид греков. После замены итальянских оккупантов германскими, чамы перешли на службу к последним, получив специальный значок и право ношения оружия [8, л. 329]. В заключение Цалдарис указал на «огромную этническую и стратегическую значимость» Северного Эпира для Греции [8, л. 332]. Подобные настроения подогревались греческой пропагандой. Газета «Элликон меллон» 30 июля опубликовала карту греческих притязаний на половину Албании, сообщая, что имеющихся здесь греков нужно «освободить и присоединить к матери-родине вместе с территорией, на которой они проживают». Югославская газета «Глас» сообщала 31 августа о книге греческого вице-адмирала Периклеса Аргиропулоса «Претензии Греции», в которой излагался план раздела Албании между Грецией и Югославией [16, л. 80, 141—142].

30 августа 1946 г. Молотов дважды выступал по албанским проблемам на пленарном заседании. Вначале он потребовал отклонить предложения Греции, которая «стремится к расчленению Албании» [9, л. 10]. Затем прямо заявил, что Албания не является бывшим сателлитом Германии. Сколько бы ни говорилось о том, что Греция до сих пор находится в состоянии войны с Албанией, это «необоснованное и несолидное заявление». Молотов веско подытожил: единогласным решением конференции «мы пригласили Албанию не в числе вражеских государств, а именно в числе тех государств, которые помогли союзникам» [9, л. 25]. Тем не менее Греции при поддержке западных государств удалось провести в повестку дня вопрос о греко-албанских отношениях в рамках обсуждения мирного договора с Италией [9, л. 11, 28].

Однако в отношении Северного Эпира ПМК под напором советской делегации приняла решение, что конференция, в отличие от СМВД, некомпетентна рассматривать этот вопрос. После этого греческая делегация внесла поправку к ст. 22 проекта мирного договора с Италией о возвращении Греции о. Сасено (Сазани), запиравшего вход в залив Влёра. Были предьявлены аргументы о том, что в XVIII—XIX вв. о. Сасено с географической точки зрения рассматривался как часть Ионических островов. Более того, серия договоров (от Кампоформийского 1797 г. до Лондонского 1864 г., по которому Англия уступила Греции Ионические острова) исходили не только из географического, но и политического единства Сасено с этим архипелагом. В начале 1914 г. (после Флорентийского протокола) Греция ушла с Сасено, но в конце года Италия захватила остров. В итоге обсуждения эта греческая претензия на албанский о. Сазани была отклонена [10, л. 163]. 21 сентября греческая делегация попыталась, по существу, шантажировать мирную конференцию, заявив о сохранении оговорок в отношении территориальной целостности Албании, пока не будет разрешен вопрос о Северном Эпире. Однако вопрос о крае, внесенный в повестку дня, так и не был поставлен на рассмотрение. Это позволило Югославии предложить 26 сентября считать его снятым, с чем Греции пришлось согласиться [9, л. 33—41]. Возвратившийся из Парижа Э. Ходжа был настолько воодушевлен советской помощью, что в албанском руководстве даже сложилось впечатление, будто «Цалдарис не выдвигает больше проблему албано-греческой границы» [31, док. 118, с. 339].

Однако Цалдарис весьма успешно выискивал противоречия и зацепки в решениях рабочего органа ПМК — Политической и территориальной комиссии по Италии, занимавшейся постатейной разработкой про-

екта мирного договора. 7 октября он указал, что эта комиссия приняла поправку к ст. 21 договора с Италией, по которой признавалась албанская территориальная целостность (большинством в один голос). Если же ПМК утвердит поправку, то войдет в противоречие со своим собственным решением, так как союзной Эфиопии было отказано в признании ее территориальной целостности. На пленарном заседании 9 октября голосами западных стран поправка была отклонена, с тем чтобы оставить вопрос об албано-греческой границе открытым для последующего урегулирования на СМИД [6, л. 136]. По ст. 22 (о передаче о. Сасено Албании) территориальный вопрос решался, хотя в отношении Северного Эпира было принято, что ПМК некомпетентна решать такие вопросы [9, л. 115, 118—119]. Тем не менее решение о переходе о. Сасено к Албании было утверждено. Представители БССР приняли активное участие в обсуждении положений проекта мирного договора с Италией, касающихся Албании. Белорусские делегаты настаивали на признании и уважении Италией суверенитета и независимости Албании, а также принадлежности последней о. Сасено [11, л. 88].

При обсуждении 9 октября вопроса о репарациях с Италией в пользу Албании были последовательно забаллотированы все предложения по конкретной сумме (25, 10, 5 млн долл.), а также британское предложение о лишении Албании права на репарации [9, л. 291—295]. Лишь позже сумма была утверждена, будучи сведена к минимуму — 5 млн долл. (Греции, к примеру, Италия должна была выплатить 105 млн) [30, с. 271].

Военно-политическое насилие Лондона в Греции осенью 1944 г. — весной 1945 г. привело к гражданской войне в стране (март 1946 — август 1949 г.). В этих условиях албано-греческие противоречия вновь стали предметом острых обсуждений во всех сферах. В греческом парламенте 24 июля 1946 г. был предложен план расширения территории Греции за счет албанских, а также югославских и болгарских земель [22, л. 121]. В поддержку этих притязаний выступили все политические силы страны. Так, 31 июля в адрес советской делегации на ПМК поступило соответствующее письмо от прокоммунистического Национально-освободительного фронта Греции (ЭАМ) и КП Греции [30, с. 271—272]. С осени 1946 г. в стране начало разворачиваться коммунистическое партизанское движение, которое получало поддержку с территории Югославии и Албании, откуда поступало материально-техническое снабжение и где появились военно-тренировочные лагеря.

Ареной дипломатической борьбы стала и ООН. В сентябре 1946 г. Греция внесла жалобу на Албанию, обвиняя ее (наряду с Югославией и

Болгарией) во вмешательстве в свои внутренние дела. Албания в октябре — ноябре в свою очередь обратилась в ООН с тремя письмами о нарушении греческими и английскими войсками ее границ [23, л. 70—74].

Накануне открытия III сессии СМВД (Нью-Йорк, 4 ноября — 12 декабря 1946 г.) Греция вновь довела до сведения ее участников свою претензию на Северный Эпир [6, л. 137]. Однако настойчивые требования греческой делегации, все более расходившиеся с балканскими реалиями, не встретили поддержки даже наиболее активных ее сторонников. Сессия окончательно согласовала текст мирного договора с Италией. Он был подписан 10 февраля 1947 г., а его шестой раздел касался Албании. Италия признавала суверенитет и независимость Албании (ст. 27), за которой закреплялся о. Сасено (ст. 28) [27, док. 515, с. 102]. Тем самым албано-греческий национально-территориальный конфликт в Северном Эпире в формате послевоенного международно-правового урегулирования получил свое разрешение. Ожесточенная дипломатическая схватка, разгоревшаяся между бывшими союзниками вокруг проблемы спорного края с взаимными албано-греческими территориальными притязаниями, завершилась признанием неизменности довоенной линии границы.

Интрига же в ООН, которая в большей степени касалась военно-политической обстановки по линии границы двух стран, продолжала развиваться. Была создана Комиссия по расследованию ситуации на северных границах Греции (из представителей десяти государств), которая 22 мая 1947 г. представила свой доклад Совету Безопасности. Примечательна фразеология, принятая в докладе касательно конфликта: «официальные греко-албанские претензии и традиционные греко-албанские противоречия из-за территории проживания чамов». Выводы комиссии были сделаны в пользу Греции, так как советский и польский представители всякий раз оказывались в меньшинстве, а западные страны имели возможность проводить свои решения [22, л. 122, 125—126].

Во время первого официального визита Э. Ходжи в СССР (14—26 июля 1947 г.) он назвал в беседе с Молотовым отношения с Грецией в качестве главной проблемы, о которой было бы желательно сообщить Сталину [12, док. 229, с. 678]. На встрече с советским лидером 16 июля Ходжа остро поставил вопрос об укреплении албанского побережья, особенно о. Сазани, а также Влёрского и Дурресского участков. В этом он встретил полное понимание со стороны Сталина, заметившего, однако, что оружие и другие средства обороны должны использоваться самими албанцами. Особое значение Ходжа уделил отношениям с Гре-

цией и положению на южной албанской границе, констатировав, что «греческие монархо-фашисты, которым не удалось осуществить мечту мегалоидеи, т. е. отнять у нас Южную Албанию, продолжают бесчисленные пограничные провокации». Эта часть беседы производит впечатление развернутого монолога-жалобы Ходжи, который активно использовал вполне уместную в данной ситуации антизападную фразеологию, упоминал о «жестоких и низкопробных деяниях английских и американских империалистов против Албании», рассказывал про «суровые, коварные и враждебные позиции, которые они занимали против нас на Парижской конференции». Однако, несмотря на эту фразеологию, подробные и с любовью написанные мемуары не содержат сведений о каких-либо оценках Сталиным именно национально-территориальной составляющей албано-греческого конфликта [37, с. 72, 74—76]. Он лишь заверил, что англо-американцы в нынешней ситуации «...не могут нападать на вас... Они не могут высадиться на вашу землю, так что не беспокойтесь». По поводу греческих провокаций заметил, что они будут продолжаться «...только того, чтобы доставлять вам хлопоты и не давать вам сидеть спокойно». Касательно отношений с Италией Сталин заметил, что положение нельзя считать нормализованным: «вы пока что не можете устанавливать отношений с этой страной, так что не торопитесь» [37, с. 80—81].

Отдельным сюжетом на встрече были албано-югославские отношения, которые оценивались весьма позитивно. Однако Ходжа настолько заострил мысль о двух независимых государствах, каждое из которых «не ущемляя дружественных отношений, должно отстаивать свой суверенитет и свои права», что это вызвало вопрос Сталина: «Недоволен ваш народ взаимоотношениями с Югославией?» [37, с. 81—83]. Не случайно сразу после этого визита в Югославии почувствовали угрозу своему монопольному влиянию на Албанию. В Тиране же определенные круги в руководстве начали считать, как жаловался Тито 14 августа советскому послу А. И. Терентьеву, что «Югославия хочет дешевой ценой наложить лапу на Албанию» [12, док. 233, с. 687].

Вскоре в Москве стала актуальной задача дискредитации К. Цалдариса. 17 сентября 1947 г. «Правда» поместила сообщение из французского еженедельника «Леттер Франсес» о его шпионской деятельности в пользу Венгрии, выразившейся в предоставлении информации о положении в Албании, Греции и Южной Сербии. Это подтвердил находившийся в советском плену начальник разведотдела венгерского Генштаба И. Усайши [17, л. 175—180].

На протяжении второй половины 1947 г. проходило масштабное перестроение албано-греческого конфликта, как международно-правового и политико-дипломатического, в конфликт внутри советской сферы влияния в Восточной Европе. Последний выразился, с одной стороны, в межгосударственных противоречиях Албании и ФНРЮ, приведших к разрыву их отношений в 1948 г., с другой — в межпартийных разногласиях албанских и греческих коммунистов, потерявших серьезное значение с поражением партизанской борьбы под руководством КП Греции в 1949 г.

К концу 1947 г. Белград начал форсировать реализацию объединительных планов в отношении Албании. Рост напряженности в районе Северного Эпира вскоре показал Москве, что США не поддержат каких-либо мер Греции по изменению албано-греческой границы с применением силы [12, док. 278, с. 864]. Возникший вскоре пресловутый вопрос о вводе в Албанию одной югославской дивизии касался именно района Корчи и имел целью якобы совместную защиту албано-греческой границы. Однако в большей мере он отразил обеспокоенность Белграда установлением непосредственных советско-албанских связей.

В начале декабря 1947 г. югославская сторона поставила перед советским руководством ряд вопросов, связанных с преимущественной ролью Югославии в Албании. В середине января 1948 г., получив приглашение, М. Джилас прибыл в Москву и имел встречу с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и А. А. Ждановым. На ней было выражено советское согласие на развитие Албании в тесной связи с Югославией, вплоть до объединения. 19 января 1948 г., получив из Москвы сообщение Джиласа о советской позиции, Тито направил Ходже предложение предоставить в Южной Албании базу для ввода югославской дивизии, сославшись на опасность греческого вторжения. Уже на следующий день он получил согласие албанской стороны, но в течение этих двух дней не уведомил Москву [38, с. 573]. Хотя Тито признал «ошибку», отказался от ввода дивизии и обещал проводить консультации по внешнеполитическим вопросам, в начале февраля из Москвы последовал вызов югославских представителей для обсуждения «разногласий» [35, с. 193—194].

На встрече И. В. Сталина, Г. Димитрова и Э. Карделя в Москве 10 февраля 1948 г. наряду с прочими вновь обсуждался и вопрос о несогласованном с СССР решении о вводе в Южную Албанию югославской дивизии. Согласно болгарской (сделанной В. Коларовым) записи беседы, Сталин, обращаясь к Карделю, заметил: «Югославы, видимо, боятся, что мы отнимем у них Албанию. Вы должны взять Албанию, но

по-умному» [18, док. 1, с. 100]. При этом Сталин, явно пугая своих собеседников, высказал опасение, что решение о вводе югославской дивизии может вызвать англо-американское вмешательство под флагом защиты албанской самостоятельности, так как «Албания является нашим самым слабым звеном», поскольку она не признана и не состоит в ООН [14, с. 21]. Сталин опасался столкновения с Западом из-за Греции, но было не исключено и его недоверие к Югославии, игравшей главную роль в помощи греческим партизанам. Сам вопрос о свертывании партизанского движения в Греции и прекращении помощи ему был поставлен Сталиным в ответ на доводы югославов, что их намерение ввести свою дивизию в Южную Албанию вызвано необходимостью предотвратить вторжение туда греческих войск [28, с. 123]. Джилас в отчете о встрече 10 февраля по-своему процитировал Сталина, отметив его полшутливый тон: «...югославы боятся русских и из-за этого торопятся ввести туда войска» [18, док. 2, с. 106]. В шифротелеграмме югославской делегации в Белград сообщалось, что «посылка дивизии в Корчу» — один из трех пунктов расхождений, обозначенных Молотовым [18, док. 5, с. 111]. В ответной телеграмме Тито с горечью констатировалось: «...видно, что вы не добились ничего конкретного в отношении Албании» [18, док. 8, с. 113].

Сразу после московской встречи Белград, по существу, нарушил советский запрет на размещение своих войск в Албании. На совещании в Тиране 25 февраля 1948 г. албанского руководства во главе с Ходжей и югославских партийных и военных представителей вновь обсуждался план ввода войск в Албанию. При этом она должна была сама поставить этот вопрос перед Москвой. На расширенном заседании политбюро ЦК КПЮ 1 марта было решено отстаивать свою позицию по Албании. На нее в неофициальной форме начало оказываться давление югославской стороны, выражавшееся в побуждении «проявить инициативу» и самой предложить объединение двух стран. Тем самым нарушалось данное Сталиным 10 февраля указание не форсировать объединение, а вначале создать югославо-болгарскую федерацию [28, с. 121].

На втором совещании Коминформа (19—23 июня 1948 г.) в Бухаресте Г. М. Маленков сообщил мнение ЦК ВКП(б) о нецелесообразности присоединения к этой структуре и КП Греции (это может «выставить греческих коммунистов, как агентов Москвы», направляемых извне), и КП Албании (присоединение осложнит международное положение страны «и без того достаточно деликатное») [34, протокол второго совещания, с. 450—451]. В итоге албанская проблема (говоря точнее, воп-

рос о границе в Северном Эпире как одно из проявлений этой общей проблемы), не только похоронила идею Балканской федерации, но и сыграла заметную роль в развитии советско-югославского конфликта.

Несостоявшийся ввод дивизии продолжал муссироваться и на высшем уровне. В ходе второго визита Э. Ходжи в СССР (21 марта — 11 апреля 1949 г.) Сталин на встрече с ним 23 марта связывал идею о вводе югославских дивизий (! — А. С.) уже не с защитой от греческой агрессии, а с враждебной целью Югославии «опрокинуть существующий в Албании режим» [37, с. 105—106]. На вопрос Ходжи о реальности угрозы для его страны со стороны Греции, учитывая постоянные провокации на границе и «всякого рода разговоры о разделе Албании», советский лидер изложил свою позицию. Он отметил: подобные разговоры «придуманы для того, чтобы напугать албанцев... Что касается греков Цалдариса, то они слишком слабо стоят на ногах, чтобы всерьез говорить о разделе Албании. Если албанцы будут вести себя правильно, не будут очень ругать империалистов..., то Албанию никто не тронет. Америка и Англия не хотят, чтобы Албания... принадлежала Греции, поскольку это усилит Грецию...» [13, док. 16, с. 46, 56].

В воспоминаниях Ходжи данные оценки Сталина изложены в схожем ключе: у внешних врагов Албании имеются противоречия относительно нее; «никому из врагов не хочется, чтобы Албания принадлежала только тому или другому»; если Греции хочется, чтобы «Албания принадлежала ей, то это невыгодно Италии и Югославии, и они становятся помехой» в реализации подобных желаний [37, с. 132—133, 139].

Тем временем гражданская война в Греции вступила в свою завершающую фазу. Сужающаяся территория «Свободной Греции» локализовалась в Южном Эпире в районе городов Граммос, Вици и Конница у самой албанской границы. К весне 1949 г. 20-тысячной армии повстанцев противостояла 300-тысячная национальная армия, прекрасно оснащенная американцами. Присутствие последних на Балканах ослабляло позиции СССР в регионе, к тому же Югославия уже оказалась вне границ советского блока. Поэтому во время пребывания Н. Захариадиса в Москве в апреле 1949 г. ему была внушена мысль о необходимости закрытия спасительной албано-греческой границы и прекращения через нее всякой помощи повстанцам, о чем Чувахин 25 апреля известил Ходжу [13, док. 26, с. 83]. Но и три месяца спустя приграничные бои продолжались. 2 августа Ходжа жаловался советскому посланнику на вторжение греческих правительственных сил на албанскую территорию в районе Корчи. Причем они не шли вглубь, а стремились окружить

отряды греческих демократов и, прижав их к албанской границе, бить с тыла [32, док. 45, с. 151].

Дабы избежать окружения и уничтожения, повстанцы, получив 28 августа приказ Н. Захариадиса, в массовом порядке стали уходить в Южную Албанию, что означало завершение гражданской войны в Греции. Переход на территорию Албании руководителей и остатков частей греческих повстанцев немедленно привел к резкому обострению отношений между албанскими и греческими коммунистами. У последних к тому же начался процесс осознания причин своего поражения. Прибывший в ноябре 1949 г. со своим третьим визитом в СССР Э. Ходжа направил 16 ноября Сталину масштабное письмо, первым пунктом которого значился «греческий вопрос». Албанский лидер сообщал, что «поведение греческих товарищей по отношению к нам не только откровенно недружелюбно, но и весьма сомнительно», поэтому он и желал изложить Сталину «этот щекотливый вопрос». В солидной российской публикации была, однако, сделана большая купюра относительно этой проблемы [13, док. 74, с. 210—211, 214].

Буквально в те же дни, на третьем совещании Коминформа (16—19 ноября 1949 г.) в Будапеште в докладе Г. Георгиу-Дежа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» с упоением разоблачалась «самая гнусная роль» контрреволюционного агента Тито: «Палачи греческого и югославского народов Тито и Цалдарис пришли к полному соглашению, сговорившись втайне уничтожить героических греческих партизан» [34, протокол третьего совещания, с. 638].

Воспоминания Э. Ходжи проясняют содержание того самого «щекотливого вопроса». На встрече со Сталиным 24 ноября 1949 г. он изложил взгляды на ошибочную позицию руководства КП Греции и их несправедливые обвинения в адрес албанской стороны. Вывод Ходжи сводился к тому, что «не только военные-демократы», но и греческие партийные руководители «должны покинуть нашу страну». Сталин был с этим согласен, но подавал проблему, как просьбу самого Н. Захариадиса о том, чтобы «греческие беженцы-демократы покинули Албанию». От себя же добавил, что они «должны были куда-нибудь уйти, так как не могли оставаться в граничащей с Грецией стране» [37, с. 146—153].

В ходе встречи неизбежно была затронута и проблема албано-югославских отношений, которая в высказываниях обоих лидеров приобрела новые грани. Сталин отметил, что Тито, «помимо своей антимарксистской политики в отношении Косово, добивался и аннексии самой Албании». Особенно, когда «пытался перебросить в Албанию свои ди-

визии (Сталин вновь умышленно говорил не об одной, а нескольких дивизиях. — А. С.)» с тем, чтобы они приняли участие в ликвидации свободной Албании и ее правительства. Ходжа обвинил Тито в том, что тот «сплел интригу, будто мы будем подвергнуты нападению “широкого масштаба со стороны Греции” и это “будет совершено в ближайшее время”». На этом основании Югославия якобы предложила переброску своих войск в Албанию, а именно в Северный Эпир — в Корчу, а затем и в Гирокастру. Ходжа на этот раз расценил данный сценарий как стремление оккупировать его страну [37, с. 159—160].

В начале января 1950 г. И. В. Сталин, В. М. Молотов и Г. М. Маленков организовали в Москве встречу, а фактически очную ставку, между руководителями Албанской партии труда (КПА в ноябре 1948 г. была переименована в АПТ) Энвером Ходжей, Мехметом Шеху и руководителями КП Греции Никосом Захариадисом, Мицосом Парсалидисом. Причиной такой встречи были их принципиальные разногласия касательно стратегии и тактики гражданской войны в Греции и последствий поражения в ней греческих демократов. Наряду со многими иными спорными вопросами была озвучена и латентная проблема Северного Эпира в отношениях коммунистов двух стран. Ходжа напомнил об инциденте на массовом митинге греческих политических партий на афинском стадионе в 1945 г. после заключения Варкизского соглашения. Захариадис в своей речи заявил тогда: «В случае, если другие греческие демократические партии потребуют автономии Ворио Эпира (название Северного Эпира на греческом языке. — А. С.), то компартия Греции примкнет к ним». Видимо, этот факт был настолько болезненным для Ходжи, что он на очной ставке в рабочем кабинете Сталина в Кремле упомянул его дважды — не только в начале, но и в конце своего выступления [37, с. 190—191, 216].

Результатом своеобразного советского арбитража стало формальное примирение сторон по общим политическим вопросам. Однако у советского лидера были свежи в памяти конфликты между югославскими и итальянскими коммунистами по проблеме Триеста, венгерскими и румынскими — Трансильвании, чехословацкими и венгерскими — Южной Словакии. Поэтому Сталин в очередной раз уклонился от конкретных оценок проблемы Северного Эпира в формате внутреннего коммунистического диалога, тем более что КП Греции превратилась в партию эмигрантов, потерпевшую поражение в гражданской войне.

Таким образом, после окончания Второй мировой войны в среде бывших союзников началась борьба между ними за сферы влияния в

Европе и, в частности, на Балканах. Позиции Запада в Греции последовательно укреплялись. Это повлекло отказ СССР от благоприятного отношения к этой стране и обусловило албанский крен в северо-эпирском конфликте. В его развитии выделяются два периода.

1. Во второй половине 1945 — первой половине 1947 г. центр тяжести пришелся на политическую и дипломатическую борьбу на международной арене, где разгорелась ожесточенная схватка между бывшими союзниками вокруг проблемы Северного Эпира. На I сессии СМВД (сентябрь — октябрь 1945 г.) и сразу после нее состоялась советская заявка на политическое решение вопроса, обнаружился его масштаб и сложность. На этапе черновой разработки проектов мирных договоров с сателлитами Германии (февраль — апрель 1946 г.) появилось и конкретное воплощение «эпирской проблемы». Греция неожиданно внесла вопрос о разработке мирного договора с Албанией, считая ее участником фашистской агрессии, и выдвинула свои претензии на Северный Эпир. Однако советская дипломатия заблокировала подобное развитие событий. На II сессии СМВД (апрель — август 1946 г.) Греция при поддержке Лондона пыталась внести на рассмотрение вопрос о греко-албанской границе и своих претензиях на край. В ответ Албания обозначила проблему чамов и Чамерии (части Южного Эпира).

Парижская мирная конференция (июль — октябрь 1946 г.), проходившая в условиях резкого советско-американского размежевания по вопросам мирного урегулирования на Балканах и стратегического соперничества в Восточном Средиземноморье, показала, насколько сильно албанский вопрос отразил эти противоречия. Он рассматривался в двух аспектах — процедура приглашения Албании на ПМК и новые греческие претензии на Северный Эпир. В результате долгих и жарких споров Албания получила статус наблюдателя с правом изложения своей позиции и участия в общей дискуссии. Греции же при поддержке Запада удалось провести в повестку дня вопрос о греко-албанских отношениях в рамках обсуждения мирного договора с Италией. Однако в отношении Северного Эпира ПМК под напором советской делегации приняла решение о том, что конференция некомпетентна рассматривать этот вопрос. Умело используя противоречия на заседаниях рабочего органа ПМК — Политической и территориальной комиссии по Италии, греческая делегация все же добилась того, что вопрос об албано-греческой границе остался открытым для последующего урегулирования в формате СМВД. Поэтому на его III сессии (ноябрь — декабрь 1946 г.) Греция вновь изложила свою претензию на Северный Эпир, ко-

торая все более расходилась с балканскими реалиями и не получила поддержки даже наиболее активных ее сторонников. На сессии был окончательно согласован текст мирного договора с Италией. Он был подписан 10 февраля 1947 г. и признавал суверенитет и независимость Албании. Тем самым албано-греческий национально-территориальный конфликт в Северном Эпире в формате послевоенного международно-правового урегулирования получил свое разрешение, а линия довоенной границы признавалась неизменной.

2. Во второй половине 1947 — конце 1949 г. проблема Северного Эпира получила своеобразное проявление в рамках двух знаковых для Балкан политических процессов. Первый из них выразился в том, что еще с весны 1946 г. оформилась и получила многомерное развитие интрига Белграда с присоединением Албании к Югославии в качестве седьмого субъекта, что было одним из вариантов эвентуальной Балканской федерации. Это автоматически делало албано-греческий конфликт уже югославской проблемой. Пресловутый вопрос о вводе одной югославской дивизии на территорию Северного Эпира для защиты от возможной греческой агрессии, муссировавшийся на ряде встреч коммунистических руководителей вовлеченных стран, вызвал резкие противоречия с Москвой и стал одним из факторов советско-югославского конфликта, приведшего к разрыву всех отношений. В этих условиях Албания перешла из сферы влияния Югославии в сферу влияния Советского Союза, получившего «в наследство» и северо-эпирскую проблему, которая обрела новую грань.

Вторым из упомянутых процессов была гражданская война в Греции (март 1946 — август 1949 г.), локализовавшаяся в сопредельном греческом районе Южного Эпира, что давало Албании возможность оказывать поддержку греческим коммунистическим повстанцам. «Эпирская проблема» в разных аспектах поднималась на трех встречах Э. Ходжи с И. В. Сталиным (июль 1947 г., март — апрель и ноябрь 1949 г.), находя отражение в острых противоречиях между албанскими и греческими коммунистами по стратегическим и тактическим вопросам партизанского движения. Своеобразный советский арбитраж привел к их формальному примирению, но Москва в очередной раз уклонилась от конкретных оценок проблемы края, помня о ряде других конфликтов между компартиями на почве национально-территориальных споров.

Второй — внутрикоммунистический — период в развитии проблемы Северного Эпира не принес никаких новаций и оставил ее на уровне решений первого — международно-правового — периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Агафонова Г. А. Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМИД // Сталин и холодная война / А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. М. : ИВИ РАН, 1997. С. 74—81.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 067 (Рефертура по Албании). Оп. 13. П. 103. Д. 13 — Ноты МИД Албании в миссию СССР, обзоры печати.
3. АВПРФ. Ф. 0431/1 (I сессия СМИД в Лондоне, 1945 г.). Оп. 1. П. 8. Д. 49 — Документы и протоколы.
4. АВПРФ. Ф. 0431/II (II сессия СМИД в Париже, 1946 г.). Оп. 2. П. 1. Д. 1 — Документы и протоколы.
5. АВПРФ. Ф. 0431/III. Оп. 2. П. 2. Д. 5 — Стенограммы заседаний заместителей министров по подготовке мирных договоров с Балканскими странами.
6. АВПРФ. Ф. 0431/III (III сессия СМИД в Нью-Йорке, 1946 г.). Оп. 3. П. 2. Д. 11 — Документы и протоколы.
7. АВПРФ. Ф. 432 (Парижская мирная конференция, 1946 г.). Оп. 1. П. 1. Д. 1 — Стенограммы пленарных заседаний. Т. 1.
8. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 1. Д. 2 — Стенограммы пленарных заседаний, т. 2.
9. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 2. Д. 3 — Стенограммы пленарных заседаний, т. 3.
10. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 6. Д. 11 — Комиссия по политическим и территориальным вопросам для Италии, поправки к проекту мирного договора.
11. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 12. Д. 29 — Комиссия по политическим и территориальным вопросам для Италии, заседания № 1—43.
12. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.] : в 2 т. М. ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998. Т. 1 : 1944—1948. — 1997. 985 с.
13. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.] : в 2 т. М. ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998. Т. 2 : 1949—1953. — 1998. 1004 с.
14. Гибианский Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948—1953 гг. : Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 12—23.
15. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-4459 (ТАСС, 1918—1965 гг.). Оп. 24. Д. 224 — Досье вестника иностранной информации ТАСС. Албания, 1 января — 31 декабря 1946 г.
16. ГАРФ. Ф. Р-4459 (ТАСС, 1918—1965 гг.). Оп. 24. Д. 255 — Досье вестника иностранной информации ТАСС. Греция, т. 2 : 3 июня — 17 ноября 1946 г.
17. ГАРФ. Ф. Р-9401 («Особая папка» В. М. Молотова, материалы Секретариата НКВД—МВД СССР). Оп. 2. Д. 173 — Материалы Секретариата МВД СССР за сентябрь 1947 г.
18. На пороге первого раскола в «социалистическом лагере»: Переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии. 1948 г. [Документы] / Л. Я. Гибианский, В. К. Волков (подгот. к публ.) // Исторический архив. 1997. № 4. С. 92—123.
19. Последний визит Й. Броза Тито к И. В. Сталину: Советская и югославская записки беседы 27—28 мая 1946 г. / Л. Я. Гибианский, Ю. Г. Мушин (подгот. к публ.) // Исторический архив. 1993. № 2. С. 16—35.
20. Романенко С. А. Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год). М. : Новое литературное обозрение, 2011. 1024 с.

21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК ВКП б). Оп. 128. Д. 96 — Записки Отдела международной информации.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 283 — Материалы Отдела внешней политики о положении в Греции.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1075 — Записки Отдела внешней политики о беседах с Энвером Ходжей, Кочи Дзодзе, Спиру Нау и письма руководителей КПА.
24. *Сальков А. П.* Северный Эпир (Южная Албания): исторические корни конфликта в контактной зоне греческой «Мегалэ идэи» и идеи «Великой Албании» (середина XIX в. — 1921 г.) // *Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. сб. / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.].* Мінск : БДУ, 2010. Вып. 5. С. 193—208.
25. *Сальков А. П.* Албано-греческий территориальный спор в Северном Эпире и советские интересы в Западно-Балканском регионе (1921—1941 гг.) // Там же. Мінск : БДУ, 2011. Вып. 6. С. 174—184.
26. *Сальков А. П.* СССР и поиски путей решения албано-греческого конфликта в Северном Эпире (Южной Албании) в 1941—1945 гг. // Там же. Мінск : БДУ, 2012. Вып. 7. С. 184—195.
27. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами : в 27 вып. М. : НКВД СССР : Гос. изд-во полит. литературы : Междунар. отнош., 1926—1974. Вып. XIII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1947 г. и 31 декабря 1948 г. — 1956. 495 с.
28. Секретная советско-югославская переписка 1948 года / Л. Я. Гибианский (подгот. к публ.) // *Вопросы истории*, 1992, № 4—5. С. 119—136.
29. *Смирнова Н. Д.* «Греческий вопрос» на Парижской мирной конференции // *Сталин и холодная война* / А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. М. : ИВИ РАН, 1997. 367 с.
30. *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М. : Наука, 2003. 431 с.
31. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.] : в 2 т. М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 1 : 1944—1948. — 1999. 687 с.
32. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.] : в 2 т. М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 2 : 1949—1953. — 2002. 928 с.
33. Советско-американские отношения. 1945—1948 / под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. : В. В. Алдошин, Ю. В. Иванов, В. М. Семенов. М. : МФД, 2004. 716 с. — Россия. XX век. Документы.
34. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Г. М. Адибеков (ред.) [и др.]. М. : РОССПЭН, 1998. 800 с.
35. У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944—1949 гг. / А. Я. Гибианский (отв. ред.). М. : Наука, 1995.
36. *Улунян Ар. А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. — 90-е гг. XX в. М. : ИВИ РАН, 1998. 331 с.
37. *Ходжа Энвер.* Со Сталиным: воспоминания. Тирана : Ин-т марксистско-ленинских исследований при ЦК АПТ : Изд-во «8 нентори», 1979. 254 с.
38. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / К. В. Никифоров (отв. ред.). М. : Индрик, 2011. 888 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 20 чэрвеня 2012 г.